

С гибелью Баха луч света рассеялся. Ослепительное сияние, подобно фейерверку, на миг озарило небо над бездной, а затем мгновенно угасло, погрузив всё в тишину. Тьма вновь коснулась лица Тан Юаня, словно ласково утешая израненного ребенка.

Но Тан Юань не открывал глаз. Его длинные ресницы мелко дрожали, словно крылья бабочки, запутавшейся в невидимой паутине. Губы, сжатые до боли, побелели, а по лбу катились крупные капли пота — казалось, он застрял в кошмаре, из которого нет выхода.

Хила смотрел на него с прежним равнодушием, не делая ни единого движения. Возможно, он мог покраснеть, но не понимал, что такое застенчивость. Возможно, он мог помочь убить кого-то, но не знал, что такое дружба. Возможно, он мог согласиться на просьбу, но не ведал, что такое забота. Именно поэтому мир считал его холодным. Даже если в одну секунду он совершал поступок, заставляющий поверить в вашу дружбу, в следующую — он мог повергнуть вас в полное отчаяние. Для него всё это было лишь выбором.

После битвы вокруг воцарилось странное спокойствие, атмосфера стала еще тяжелее. Горы трупов и причудливые узоры из брызг крови лишь добавляли этой тишине зловещий оттенок.

Хила стоял посреди лужи крови. Его белоснежное одеяние, напоминающее жреческое, и серебристые волосы, чуть подрагивающие на ветру, неизбежно окрасились в алый, но это не сделало его зловещим — лишь подчеркнуло его холодную, резкую отстраненность. Напротив него, в единственном чистом круге, где не было ни капли крови, стоял Тан Юань. Его королевский наряд в черно-красных тонах, изысканный и роскошный, делал его яркое, чувственное лицо еще более порочным.

Они смотрели друг на друга, словно две чуждые стихии, прощупывающие границы.

Вдруг Тан Юань шагнул к Хиле. Черные пряди волос откинулись назад, а в его черно-красных, пугающе-прекрасных глазах застыл отрешенный блеск. На губах, красных, как кровь, заиграла усмешка — на три части насмешливая, на семь — демоническая. Он едва заметно разомкнул губы, и с них сорвалось:

— Сковывание.

Невидимая сила сжалась плотным кольцом вокруг Хилы. Тот остался бесстрастным. Он был слегка удивлен, но не стал выяснять причины — для него это не имело смысла.

Хила вытянул длинную руку и раскрыл ладонь. Белый поток энергии, словно спираль, ударил в невидимую стену. Раздался пронзительный визг, вспыхнули золотые искры, на миг воцарился покой, а затем последовал оглушительный взрыв. Всё произошло за долю секунды.

Тан Юань усмехнулся и снова бросился в атаку.

После нескольких столкновений оба поняли, что магия бесполезна: сила бездны и сила убийства лишь гасили друг друга, не нанося вреда. Зато зал заседаний превратился в руины: двери разлетелись в щепки, стены покрылись трещинами, а огромная дыра в потолке, пробитая Бахом, довершала картину разрухи.

Тан Юань превратил силу бездны в узкий клинок и стремительно бросился на Хилу. Раз магия не работает, пойдут в ход холодное оружие. Хила на мгновение замер, но тут же понял замысел и создал длинный тонкий меч из силы убийства.

Сталь встретила сталь, раздался звонкий лязг, снопы искр разлетелись в стороны. Они вновь разошлись, но с каждым разом паузы становились короче, а движения — быстрее.

Они не проронили ни слова. Вокруг царил холод и тишина.

Наконец битва достигла апогея. Тан Юань безумно бросился на Хилу, перестав защищаться. Хила тоже отбросил оборону, готовясь к последнему удару.

Выжить вместе или умереть вместе!

Кровь каплями стекала с острых лезвий на пол. В этой тишине, где, казалось, можно было услышать, как течет сама жизнь, любой звук отдавался громом.

Хила опустился на колени по обе стороны от Тан Юаня. Его левое плечо пронзил узкий клинок, кровь расплывалась по ткани. Тан Юань был в не лучшем состоянии: тонкий меч насквозь пробил его плечо, и алая струйка, стекая по изящному изгибу шеи, окрашивала кожу.

Но Тан Юань продолжал улыбаться. Его пронзительные глаза подернулись влагой, став еще более странными и манящими. Он протянул окровавленную ладонь и коснулся безупречно белой щеки Хилы. Глядя на него с затуманенным взором, он прошептал, словно в бреду:

— Если этот мир фальшивка, то ты — единственная правда?

Хила молчал. Тан Юань не обратил на это внимания, продолжая говорить сам с собой:

— Боль может меня обмануть?

— Обманешь ли меня ты, причинивший мне боль?

— Станешь ли ты, причинивший мне боль, реальностью?

— В этом лживом мире ты — единственная правда?

— Кто я — Тан Юань или сама Бездна...

Он отчетливо помнил, как это было тогда. Семейный скандал, похищение дворецким, его люди связаны по рукам и ногам. Он просидел три дня под палящими лампами, пока наконец не убил амбициозного дворецкого и не изгнал глупого младшего брата. С тех пор его болезнь лишь прогрессировала: сомнения в мире, в людях, до тех пор, пока он не начал выдумывать людей, которых никто, кроме него, не видел. В конце концов, он усомнился в реальности самого мира. Но это был диагноз врача — а кто знает, не был ли тот врач лишь плодом его воображения?

Может, этот мир — лишь очередная форма того же самого сна, а создатель этой игры — другая сторона его самого? И единственное отличие во всём этом — Хила. Не он ли единственный настоящий объект в его жизни?

Он смотрел на это лицо, которое даже сейчас оставалось невозмутимым, и спросил сбивчиво, будто пытаясь в чем-то убедиться:

— Если этот мир — ложь, то ты — единственная правда в моем мире, верно?

Хила молча смотрел на это лицо, прекраснее которого он не видел ни среди падших ангелов, ни среди демонов — даже Лилит, королева ночи, не могла с ним сравниться. Но по своей природе он ничего не чувствовал. Однако сейчас уголки его глаз покраснели, и по щекам покатались слезы, о которых он, возможно, даже не подозревал. Влага стекала по его коже, оставляя мокрые следы, и сердце Хилы, до этого спокойное, как зеркало, вдруг дрогнуло.

Не дождавшись ответа, Тан Юань, словно раненый волк, впился зубами в шею Хилы. Он кусал, пока не почувствовал вкус крови, пока не нашел то самое ощущение реальности и безопасности, которое искал...

Если мир фальшив, я хочу, чтобы ты был моей единственной истиной. По крайней мере, когда я иду против всего мира в поисках правды, за моей спиной будет стоять кто-то, кто молча смотрит на меня и говорит, что я еще не проиграл...

Хила почувствовал боль в шее и уже хотел оттолкнуть его, но ощутил, как по его коже стекает теплая жидкость. Она проникала под воротник, обжигая грудь, словно пламя, готовое прожечь само сердце. Он смутно подумал: это слезы? Сколько трупов он оставил после себя — мужчин, женщин, добрых, злых, красивцев и тиранов. Все они плакали перед ним, но он никогда не чувствовал ничего подобного.

Он пребывал в смятении, но не оттолкнул его и не помешал кусать. Помедлив, он медленно положил руку на спину Тан Юаня, обнимая его. Это был жест нежности, на который он не имел права, но сейчас, в эту самую минуту, ему не хотелось отпускать.

Хила не знал почему, и не пытался понять. Но он чувствовал: что-то изменилось. Что-то пришло в этот мир, а что-то — навсегда ушло.

<http://bllate.org/book/18897/1847431>